1691
938

Въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Эмиль Бутру.

ГЕРМАНІЯ и ВОЙНА.

Изданіе С. Т.

ПЕТРОГРАДЪ.
1914.

Л691 938

Въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Эмиль Бутру.

ГЕРМАНІЯ и ВОЙНА.

Изданіе С. Т.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сѵнодальная типографія.
1914.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1233770

Письмо французскаго философа Эмиля Бутру къ главному редактору журнала «Revue des deux Mondes» было помѣщено въ этомъ журналѣ 15 октября 1914 года подъ заглавіемъ «Германія и война». Имя Эмиля Бутру извѣстно и у насъ. Не такъ давно вышли въ русскомъ переводѣ его капитальные труды: «Наука и религія въ современной философіи», «О случайности законовъ природы», а также брошюрка: «Вильямъ Джемсъ и религіозный опытъ».

«Никто не могъ бы говорить о Германіи съ бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ Бутру, пишетъ главный редакторъ «Revue des deux Mondes», Francis Charmes, никто лучше не знаетъ ея недавняго прошлаго и настоящаго и не можетъ дать лучшаго сопоставленія одного съ другимъ, сопоставленія, являющагося для нынѣшней опруссаченной Германіи и судомъ, и осужденіемъ. Насилія, звѣрство, варварство, ужасное зрѣлище, которые даетъ намъ она, несомнѣнно пробиваются изъ самыхъ глубокихъ инстинктовъ расы; но человѣкъ всегда старается оправдать свое поведеніе, а германцы слишкомъ

большіе философы, чтобы не попытаться поискать оправданія своего образа дѣйствій въ научной системѣ, въ которой эти своеобразные мыслители могли бы найти побужденіе для того, чтобы держаться его, не слушая ни голоса совѣсти, ни голоса жалости. Бутру излагаетъ и выясняетъ намъ отвратительный софизмъ, совершенно извратившій нѣмецкую душу и сдѣлавшій изъ народа, которому удивлялись и котораго любили наши дѣды, чудовище, неумолимый эгоизмъ котораго тяжело ложится на міръ».

Бутру противопоставляетъ міровоззрѣніе латинскихъ народовъ, міровоззрѣніе гуманистическое и христіанское, міровоззрѣнію, господствующему нынѣ въ Германіи, въ основѣ котораго лежитъ апоѳеозъ эгоизма и германизма. Славянскій міръ, во главѣ со Святой Русью безусловно стоитъ на первой сторонѣ и потому совмѣстная борьба странъ греко-латинской культуры вмѣстѣ со славянствомъ противъ современнаго германизма—не случайность, а имѣетъ глубокій смыслъ. Это борьба рѣшитъ, какія начала будутъ властвовать надъ міромъ.

Припоминаются стихи нашего поэта:

«Единство — возвѣстилъ ораторъ нашихъ
дней—
Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью.
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ—что прочнѣй!»

С. Т.

ГЕРМАНІЯ И ВОЙНА.

Письмо г. Эмиля Бутру.

Господинъ редакторъ и дорогой коллега! Вы спрашиваете меня, жившаго въ Германіи, изучившаго до нѣкоторой степени нѣмецкую философію и литературу, не могу ли я представить Вамъ нѣкоторыя наблюденія, касательно настоящей войны. Долженъ признаться, что слова и даже мысли мнѣ кажутся весьма ничтожными въ данный моментъ, что я, какъ и всѣ французы, погруженъ въ настоящее великое дѣло, что все мое вниманіе принадлежитъ нашей доблестной и достойной удивленія арміи, и что моя единственная забота — участвовать хотя бы самымъ скромнымъ образомъ въ національномъ дѣлѣ. Правда, не смотря на это, тысяча воспоминаній, тысяча мыслей тѣснятся въ моемъ умѣ. Мнѣ не приходило въ голову останавливаться на нихъ

и ихъ записывать. Но было бы очень нелюбезно отказываться отъ вашего предложенія. Будьте добры—изъ того, что я напишу, исключить то, что неинтересно.

Какъ сохранить духовную свободу при тѣхъ событіяхъ, которыя происходятъ на нашихъ глазахъ? Такъ вотъ что, вынуждены мы сказать, вышло изъ этого развитія философскаго, художественнаго и научнаго, величіе и возвышенный характеръ которыхъ превозносилъ весь міръ. Такъ вотъ кто сидѣлъ внутри этого пуделя, сказалъ Фаустъ, видя, что собака которая играла, у его ногъ превращается въ Мефистофеля. Какъ! Считать недостаточнымъ и посредственнымъ ученіе Платона и Аристотеля, проповѣдывать долгъ ради долга, признавать безусловное превосходство нравственной цѣнности, царство духа для того, чтобы офиціально подписанное обязательство назвать клочкомъ бумаги, и, пользуясь правомъ сильнаго, не считаться съ нравственными и юридическими законами, разъ они насъ стѣсняютъ. Дать міру чудную музыку, выражающую, казалось бы, самые глубокіе и чистые порывы души; возвести

искусство и поэзію на степень религіи, гдѣ человѣкъ соприкасается съ вѣчностью путемъ служенія идеалу; провозгласить вѣнцомъ человѣческаго творчества университеты—храмы науки и чистаго разума—и кончить бомбардировкой Лувэна, Малина и Реймсскаго собора!

Взять на себя роль лучшаго представителя культуры и цивилизаціи въ ея самой возвышенной формѣ—и въ концѣ концовъ поставить себѣ цѣлью порабощеніе міра и стремиться къ этой цѣли путемъ систематической и безудержной разнузданности грубыхъ силъ, злобы, варварства!.. Хвастать воплощеніемъ въ жизни самой возвышенной формы человѣческой природы—и проявить себя какими-то потомками гунновъ и вандаловъ!

Еще вчера мы страшились Германіи вслѣдствіе ея могущества, но уважали въ ней науку и ея наслѣдственный идеализмъ. Сегодня съ одного конца міра на другой несется противъ нея вопль возмущенія и ужаса. Страхъ побѣжденъ негодованіемъ. Со всѣхъ сторонъ громко кричатъ, что побѣда германскихъ имперіализма, милита-

ризма была бы торжествомъ деспотизма, грубости и варварства. Эти мысли высказываются Африканцами сѣвера и юга, Испанцами, Португальцами, Итальянцами, Греками, Швейцарцами, Румынами и т. д. Нація, предавшая огню Лувенскій университетъ и Реймсскій соборъ, покрыла себя безчестіемъ.

Что думать о знаменательномъ противорѣчіи между высокой культурой Германіи и той цѣли и средствахъ для ея достиженія, къ которымъ она прибѣгла въ настоящую войну? Достаточно ли будетъ для того, чтобы объяснить это противорѣчіе, признать что несмотря на всѣ ихъ знанія, германцы, въ сущности, такъ же мало цивилизованы, какъ и въ XVI вѣкѣ, что они еще грубы и некультурны и что ихъ наука, дѣло ученыхъ и спеціалистовъ, не могла проникнуть въ ихъ душу и повліять на ихъ характеръ, не считаясь съ нѣкоторыми исключеніями.

И это объясненіе справедливо. Понаблюдайте его въ частной жизни, въ пивной, въ развлеченіяхъ, этого ученаго профессора, который изыскиваетъ и соби-

раетъ всѣ матеріалы для науки, чтобы при помощи чисто механическихъ операцій, не прибѣгая къ сужденію или здравому смыслу, сдѣлать выводы, основанные исключительно на текстахъ и разсужденіяхъ. Какое несоотвѣтствіе между его знаніемъ и степенью воспитанія! Какая пошлость вкусовъ, чувствъ, языка, какая грубость пріемовъ въ человѣкѣ, авторитетъ котораго непоколебимъ въ его спеціальности. Перенесите этого ученаго съ университетской каѳедры на театръ войны, гдѣ царствуетъ одна сила и гдѣ самые грубые инстинкты имѣютъ возможность разнуздаться, и вы не удивитесь, что поведеніе его приблизится къ поведенію дикихъ и первобытныхъ людей.

Такъ разсуждаютъ обыкновенно и разсуждаютъ не безъ основанія. Ученый и человѣкъ въ Германцѣ очень часто чужды одинъ другому. Этого объясненія, однако, недостаточно. Безчеловѣчность германцевъ на войнѣ является не только проявленіемъ ихъ натуры, оставшейся грубою и дикою, но и приказа. Грубость здѣсь разсчитана и возведена въ систему; это подтвержденіе словъ La Garp'a: «существуетъ ученое варварство». Когда

императоръ германскій въ 1900 году держалъ рѣчь къ своимъ солдатамъ, отправляющимся въ Китай, онъ имъ предписывалъ, чтобы тамъ, гдѣ они прошли, оставалась лишь пустыня и чтобы они подражали Гуннамъ.

Германцы, которые приготовили, объявили и ведутъ настоящую войну, нарушая безъ всякаго зазрѣнія совѣсти законы цивилизованнаго міра, дѣйствуютъ такъ не вопреки своей цивилизаціи, а именно въ силу ея. Они варвары, потому что они высоко культурны. Какъ возможно соединеніе такихъ противорѣчивыхъ элементовъ, такой синтезъ?

Въ знаменитыхъ рѣчахъ къ германскому народу, которыя Фихте произносилъ въ Берлинскомъ университетѣ зимой 1807 — 1808 г.г., философъ поставилъ себѣ слѣдующую задачу: возвысить германскую націю до познанія самой себя, т. е. до познанія сущности германизма (Deutschheit) для того, чтобы воплотить, когда это будетъ возможно, эту сущность вовнѣ и предоставить ей владычество надъ міромъ. Главная мысль, которая должна руководить Гер-

маніей въ достиженіи этой двойной задачи, слѣдующая: германецъ также относится къ иностранцу, какъ добро ко злу.

Призывъ Фихте былъ услышанъ. Въ прошломъ вѣкѣ, Германія, дѣйствуя все болѣе и болѣе разсчетливо и практично, съ одной стороны, созидала теорію германизма (или Deutschtum), съ другой, приготовляла владычество германизма надъ міромъ.

Это понятіе германизма даетъ, если я не ошибаюсь, основаніе для вывода, который я желалъ бы сдѣлать, т. е. объясняетъ неожиданную, созданную Германіей, солидарность, между культурой и варварствомъ.

Было бы интересно углубить это понятіе и прослѣдить его развитіе.

И прежде всего, какъ можетъ народъ въ силу своихъ идей, дѣяній и доблестей, требовать себѣ не только право существованія и уваженія другихъ, но и добиваться привиллегіи быть единственнымъ выразителемъ добра и истины, и считать все, исходящее отъ другихъ народовъ, заблужденіемъ и зломъ?

Философъ Фихте, создавъ свою систему

подъ вліяніемъ Канта и французскихъ идей, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Руссо, про котораго онъ говорилъ: «миръ его праху, такъ какъ онъ дѣлалъ дѣло», не могъ найти ничего лучшаго, для поднятія германскаго духа послѣ Іены, какъ убѣдить германцевъ, что имъ, и только имъ, вмѣстѣ съ пониманіемъ идеала дана возможность провести этотъ идеалъ въ жизнь. Исходя изъ извѣстнаго понятія объ абсолютномъ, онъ нашелъ, послѣ Іены, что это понятіе и составляетъ сущность германскаго генія.

Скоро эта мистическая теорія слилась съ другой болѣе конкретной и болѣе приспособленной къ положительному духу современныхъ поколѣній. Наука, въ которой объединяются всѣ знанія и идеи, относящіяся къ человѣческой жизни, это—исторія. Этой наукѣ наша эпоха создала цѣлый культъ. Итакъ, германцы вывели изъ исторіи два положенія самой высокой важности. Первое—что исторія—не только послѣдовательность событій, отмѣчающихъ жизнь человѣчества, но что это—судъ Божій надъ компетенціей народовъ. Все, что есть, хочетъ

существовать и продолжаться и борется за свое преобладаніе. Исторія говоритъ намъ, каковы люди и вещи, избранныя Провидѣніемъ. Признакъ такого избранія — это успѣхъ. Тотъ, кто существуетъ, процвѣтаетъ, покоряетъ и властвуетъ, и есть наперсникъ Провидѣнія и распорядитель его могущества. Если какой-нибудь народъ кажется предназначеннымъ исторіей владычествовать надъ другими, это значитъ, что онъ намѣстникъ Бога на землѣ, самъ Богъ видимый и осязаемый для смертныхъ.

Второе положеніе, которое германская наука вывела изъ изученія исторіи, это то, что существованіе народа, назначеннаго быть представителемъ Бога—не миѳъ, что такой народъ существуетъ, и что германскій народъ и есть этотъ самый народъ. Со временъ побѣды, одержанной Арминіемъ надъ Варомъ въ Тевтобургскомъ лѣсу въ IX году послѣ Рождества Христова, воля Божія очевидна. Всѣ средніе вѣка служатъ доказательствомъ этого, и если Германія въ послѣднее время, казалось, стушевывалась, это значило, что она сосредоточивается, чтобы набраться силъ и бить сильнѣе. Если она

не была первой явно, то была ею въ возможности. Въ 1841 г. Гофманъ фонъ-Фаллерслебенъ сочинилъ національный гимнъ: «Deutschland über alles, über alles in der Welt»— «Германія выше всего, выше всего въ мірѣ»; Германія простирающаяся отъ Мааса до Нѣмана, отъ Эчи до Бельта.

Германія не только избранница Провидѣнія, она есть его единственная избранница, а остальные народы отвергнуты. Признакомъ этого избранія является уничтоженіе трехъ легіоновъ Квинктилія Вара и задача народа—это вѣчное мщеніе за дерзость римскаго полководца. «Мы отправляемся, чтобы дать сраженіе Германа и отомстить und wollen Rache haben: такъ говоритъ народная пѣсня: «Der Gott, der Eisen wachsen liess».

Цивилизація Германіи создалась именно на почвѣ антагонизма съ греко-римской. Признавая первую, самъ Богъ отвергъ вторую. Слѣдовательно германское сознаніе, проявленное безъ противодѣйствія во всемъ своемъ могуществѣ, ни что иное какъ божественное сознаніе. Deutschthum=Deus и Deus=Deutschthum.

Германизмъ—Богъ и Богъ—германизмъ. На практикѣ достаточно, чтобы идея была подлинно германской, чтобы можно и должно было сдѣлать выводъ, что она истинна, что она должна побѣдить.

Каковы же существенные догматы этой истины, которая есть германская, потому что она истинна и потому истинна, что она германская? Это объясняютъ намъ и объясняютъ съ бо̀льшей ясностью, чѣмъ обыкновенно это говорятъ, нѣмецкіе метафизики. Первый долгъ этой истины —идти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что классическая или греко-латинская мысль признавала за истину. Эта послѣдняя ставила себѣ задачей выяснить то, что́ есть въ человѣкѣ собственно человѣческаго, что̀ ставитъ человѣка выше другихъ существъ и изыскивала средства для того, чтобы въ жизни человѣка высшія побужденія преобладали надъ низшими: разумъ надъ слѣпыми инстинктами, справедливость надъ силой, доброта надъ злобой. Она дала себѣ задачу создать въ мірѣ силу нравственную, способную руководить и очеловѣчивать силы матеріальныя. Къ этому ученію, которое считало центромъ человѣка и

которое было по существу своему гуманистическимъ, германская мысль относится какъ безконечное къ конечному, абсолютное къ относительному, цѣлое къ части. Ученики грековъ не имѣли иного свѣточа, какъ человѣческій разумъ; германскій геній обладаетъ высшимъ разумомъ, который проникаетъ въ тайны абсолютнаго и божественнаго. Итакъ, этотъ сверхчеловѣческій разумъ открываетъ, что небытіе, матерія и зло были, по неправильному разсужденію классиковъ, лишены ихъ цѣнности и достоинства въ пользу бытія, разума и добра. Что представлялъ бы собою свѣтъ, еслибы не было тѣни, на которой онъ выдѣляется? Какъ мое *я* могло бы полагать себя еслибы не было гдѣ-то моего *не я*, которому первое противополагается? Въ трансцендентной міровой симфоніи зло не менѣе необходимо, чѣмъ добро.

Даже больше: греко-римлянинъ, упорствующій въ своей посредственной логикѣ, можетъ провозглашать: «добро есть добро; зло есть—зло». Но эти наивныя формулы противорѣчатъ истинѣ въ себѣ. Добро само по себѣ совершенно не можетъ осуще-

ствиться; оно есть идея, отвлеченность. Только одному злу принадлежитъ могущество, сила творчества.—Такимъ образомъ если добро можетъ осуществиться, то только посредствомъ зла и зла, совершенно предоставленнаго самому себѣ. Божество не можетъ существовать, если оно не создано діаволомъ. Итакъ, въ извѣстномъ смыслѣ зло хорошо, а добро худо. Зло хорошо, потому-что оно создаетъ; добро худо, потому-что оно безсильно.

По закону высшему и дѣйствительно божественному зло, предоставленное самому себѣ, зло само по себѣ рождаетъ добро, которое безъ этого никогда не могло бы изъ идейнаго сдѣлаться реальнымъ. «Я», говоритъ Мефистофель, «есть часть той силы, которая всегда желаетъ зла и всегда творитъ добро». Таковъ божественный законъ: кто надѣется дѣлать добро для добра, не сдѣлаетъ ничего, кромѣ зла. Только снимая оковы со зла, можно надѣяться осуществить какое-либо добро.

Этими методическими принципами замѣчательнымъ образомъ разрѣшается вопросъ о цивилизаціи.

Историческая библиотека РСФСР

Что же такое есть цивилизація въ германскомъ, истинномъ значеніи этого слова?

Народы вообще и въ частности народы латинскіе ставятъ сущность цивилизаціи въ нравственномъ элементѣ человѣческой жизни, въ смягченіи нравовъ. Къ тѣмъ, кто такъ понимаетъ цивилизацію, германисты охотно примѣнили бы слова, которыя можно прочесть въ «Брандѣ» Ибсена: «Вы желаете великихъ дѣлъ, но лишены энергіи; поэтому вы просите успѣха у мягкости и доброты». По германскимъ понятіямъ, мягкость и доброта есть не что иное, какъ слабость и безсиліе. Только сила сильна; наука есть сила по преимуществу, которая, предоставляя въ наше распоряженіе силы природы, умножаетъ нашу силу до безконечности. Итакъ наука должна быть главной задачей нашихъ усилій. Изъ науки и изъ развитія научныхъ познаній неизбѣжно произойдетъ, дѣйствіемъ божественной благодати, развитіе воли и совѣсти, то, что называютъ нравственнымъ прогрессомъ. Въ этомъ именно смыслѣ говорилъ Бисмаркъ: «воображеніе и чувство для науки и разума то же, что плевелы для хорошей травы:

они могутъ заглушить траву. Вотъ почему ихъ вырѣзываютъ и сжигаютъ». Истинная цивилизація есть воспитаніе мужества, она стремится къ силѣ и употребляетъ только силу. Цивилизація, которая, подъ предлогомъ гуманности и обходительности, обезсиливаетъ и разслабляетъ человѣка, пригодна только для женщинъ и рабовъ.

Значитъ ли это, что понятіе права, на которое ссылаются люди, протестующіе противъ силы, не имѣетъ въ дѣйствительности никакого смысла и что народу, высоко цивилизованному, оно не нужно?

Слѣдуетъ хорошенько вникнуть въ отношеніе, существующее между понятіемъ права и понятіемъ силы. Сила не есть право. Не всѣ существующія силы имѣютъ одинаковое право на существованіе. Силы незначительныя на самомъ дѣлѣ только слабо участвуютъ въ божественной силѣ. Но по мѣрѣ того, какъ сила пріобрѣтаетъ болѣе значительные размѣры, она становится и болѣе благородной. Сила универсально побѣдоносная и всемогущая была бы ничѣмъ инымъ, какъ божественной силой, слѣдовательно, ей должно бы было поко-

ряться и почитать ее въ такой же мѣрѣ, какъ самую эту божественную силу. Такимъ образомъ справедливость и сила соприкасаются въ одномъ пунктѣ, но въ томъ именно, гдѣ и та и другая становятся абсолютными.

Справедливость и сила принадлежитъ, впрочемъ, двумъ различнымъ мірамъ—природному и духовному. Первый является феноменомъ и символомъ второго. Мы живемъ въ мірѣ символовъ, и такимъ образомъ господствующая сила является для насъ видимымъ эквивалентомъ и практическимъ осуществленіемъ права.

Было бы ребячествомъ признавать существо́ваніе естественнаго права, присущаго индивидуумамъ или націямъ и проявляющагося въ ихъ стремленіяхъ, желаніяхъ, симпатіяхъ и волевыхъ актахъ. Права народовъ должны быть опредѣляемы при помощи чисто объективнаго метода.

Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ народы раздѣляются на Naturvölker, Halbkulturvölker и Kulturvölker: народы въ естественномъ состояніи, народы полукультурные и народы культурные. Это еще не

ьсе: есть народы просто культурные—Kulturvölker и народы совершенно культурные—Vollkulturvölker. Итакъ степень культурности опредѣляетъ объемъ правъ. Передъ лицомъ Kulturvölker, Naturvölker не имѣютъ никакихъ правъ, а однѣ только обязанности: обязанность подчиненія, покорности и послушанія. И если существуетъ на землѣ народъ, заслуживающій болѣе другихъ названія «Vollkulturvolk», народа совершенной культуры, то этому народу принадлежитъ первенство на землѣ. Онъ имѣетъ своимъ предназначеніемъ наложить на всѣ остальные народы иго своего всемогущества, соотвѣтствующаго его высшей культурѣ.

Такова идея господствующей націи. Діалектика показываетъ, что эта нація не должна быть только лишь абстрактнымъ типомъ, но необходимо должна быть реализована въ нашемъ мірѣ. Дѣйствительно разумъ, высшая форма бытія, необходимо стремится къ осуществленію, и такъ какъ онъ безконеченъ, то не можетъ быть реализованъ иначе, какъ посредствомъ безконечной же силы. Нація, способная предписы-

вать свою волю всѣмъ, является необходимымъ орудіемъ божественной воли, поскольку она желаетъ выполнить евангельскую молитву: «Отче нашъ, да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Какъ необходима въ мірѣ господствующая нація, также необходимы и націи подчиненныя. Не существуетъ непреложнаго *да*, безъ рѣшительнаго *нѣтъ*. Мое *я*, говоритъ Фихте, есть усиліе, слѣдовательно, оно предполагаетъ что-то ему противодѣйствующее, а именно то, что мы называемъ матеріей. Господствующая нація повелѣваетъ, слѣдовательно должны быть націи, созданныя для подчиненія ей.—Необходимо даже, чтобы эта нація, которая по отношенію къ господствующей является тѣмъ же, чѣмъ *не я* по отношенію къ *я*, сопротивлялась дѣйствію этой высшей націи, такъ какъ это сопротивленіе необходимо для того, чтобы эта господствующая нація могла развить и развернуть свои силы и стать вполнѣ сама собой, т. е. стать всѣмъ, обогащаясь наслѣдіемъ всѣхъ своихъ враговъ.

Такимъ образомъ опредѣляется при по-

мощи трансцедентальной дедукціи идеальная нація, и эта самая дедукція приводитъ насъ къ утвержденію, что такая нація есть не только идея, но и реальность. Итакъ очевидно, что реализація этой идеальной націи совершается на нашихъ глазахъ въ націи германской, которая является высшей расой вселенной и которая превосходитъ всѣ другія въ наукѣ и въ могуществѣ.

Ей и только ей приличествуетъ здѣсь на землѣ завершить дѣло Божіе.

Какія же средства должна она употребить для этого?

Прежде всего она должна вполнѣ сознать свое превосходство и свой собственный геній. Ничто изъ того, что есть германское, не встрѣчается съ такимъ совершенствомъ въ другихъ націяхъ. Нѣмецкія женщины, нѣмецкая вѣрность, нѣмецкое вино, нѣмецкая пѣснь являются первыми въ мірѣ. Для того, чтобы побѣдить Сатану, т. е. враговъ Германіи, къ ихъ услугамъ имѣется старый Богъ, нѣмецкій Богъ, der alte, der deutsche Gott, который отождествляетъ свое дѣло съ ихъ дѣломъ. И точно такъ же, какъ все нѣмец-

кое является единственнымъ и неподражаемымъ, точно такъ же и обратно, все, что міръ далъ прекраснаго, фактически или по праву принадлежитъ Германіи. Рембрандтъ, Шекспиръ, Ибсенъ—нѣмцы: только одинъ нѣмецкій мозгъ можетъ ихъ понять и имѣетъ право ими восхищаться. Сомнительно, чтобы Жанна Д'Аркъ, эта чудная героиня, была француженка; существуютъ нѣмецкіе ученые труды, доказывающіе ея германское происхожденіе. Если эльзасцы и лотарингцы остаются вѣрными Франціи, то это именно доказываетъ, что они должны быть нѣмецкими подданными, такъ какъ вѣрность есть добродѣтель нѣмецкая.

Такъ какъ Германія въ принципѣ обладаетъ всѣми добродѣтелями и всѣми совершенствами, она довлѣетъ сама себѣ и не можетъ ничему научиться отъ другихъ народовъ. Тѣмъ болѣе она по отношенію къ нимъ не должна чувствовать никакого уваженія и никакого доброжелательства. То, что называется человѣчествомъ, лишено смысла для нѣмца, который сознаетъ самого себя человѣкомъ по преимуществу. Изреченіе Виль-

гельма II: «Человѣчество кончается для меня у Вогезъ», свидѣтельствуетъ не только объ національномъ эгоизмѣ. Германскій императоръ знаетъ, что все, что фактически находится за предѣлами его имперіи, можетъ получить цѣнность только по присоединеніи къ ней.

Какъ должна относиться Германія къ другимъ народамъ?

Есть народы, которые желаютъ быть любимыми, которые вѣрятъ, что между націями, какъ и между отдѣльными людьми, можетъ существовать общеніе и что было бы прогрессомъ для человѣчества признаніе, что справедливость и равноправіе могутъ управлять международными отношеніями. Но Германія въ отношеніи къ другимъ націямъ не должна считаться съ справедливостью, она только презираетъ эту женскую чувствительность, которая характеризуетъ въ особенности латинскія расы. Чувство, признаніе справедливости и гуманности есть слабость, а Германія есть и должна быть силой: «Wo Preussen Macht im Frage kommt, kenne ich kein Gesetz», говорилъ Бисмаркъ: «тамъ, гдѣ во-

просъ идетъ о прусскомъ могуществѣ, я не знаю никакого закона».

Нѣмецъ не требуетъ, чтобы его любили; онъ предпочитаетъ, чтобы его ненавидѣли, но боялись. Oderint, dum metuant; ему нипочемъ быть окруженнымъ врагами, онъ видитъ съ удовлетвореніемъ, что даже внутри имперіи нѣкоторыя присоединенныя провинціи не перестаютъ протестовать противъ произведеннаго надъ ними насилія. *Я* проявляетъ свою силу при противодѣйствіи. Нѣмцу нужны враги для того, чтобы держать себя въ состояніи напряженія и борьбы, которыя являются условіемъ силы. Онъ охотно примѣняетъ къ себѣ то, что Господь Богъ говоритъ въ прологѣ къ Фаусту Гёте о человѣчествѣ вообще: «человѣческая активность имѣетъ большую наклонность ослабѣвать. Предоставленный самому себѣ человѣкъ стремится къ покою. Вотъ почему Я даю ему въ товарищи діавола, который его возбуждаетъ и мѣшаетъ ему заснуть». Въ сосѣдяхъ, которымъ Германія угрожаетъ, въ подданныхъ, которыхъ она притѣсняетъ, она съ удовлетвореніемъ видитъ этихъ провиден-

ціальныхъ діаволовъ, злоба которыхъ вызываетъ къ жизни ея активность и ея добродѣтель.

Нельзя сказать, чтобы Германія не допускала бы къ другимъ націямъ иного отношенія, кромѣ враждебнаго. То, къ чему она стремится, это—господство, единственная роль, приличествующая народу Божію. Для достиженія этого ей представляются два средства: первое есть, конечно, запугиваніе, которое не должно никогда ослабѣвать. Слабые часто становятся дерзкими, когда забываютъ имъ напоминать объ ихъ слабости. Слѣдуетъ, чтобы другія націи чувствовали постоянную угрозу гибельнѣйшей катастрофы въ случаѣ сопротивленія Германіи. Но рѣшивъ, что Германія самая сильная, что она не уступитъ ничего, чѣмъ владѣетъ, хотя бы и несправедливо, германцы, тѣмъ не менѣе, признаютъ, что предупредительность, предложеніе услугъ, торговля выгодная, при случаѣ, не только для себя, но, и для другой стороны, могутъ быть, для достиженія цѣли, путями болѣе прямыми и менѣе затруднительными, чѣмъ насиліе. Германія будетъ поэтому по

очереди или скорѣе одновременно и угрожающей и предупредительной. Самая любезность можетъ быть дѣйствительной, если она опирается на ненависть, презрѣніе и всемогущество.

Итакъ, прежде всего нужна сила. Германія должна имѣть вооруженіе лучшее, чѣмъ у другихъ народовъ. Причина этого ясна. Она является оплотомъ мира: der Hort des Friedens. Всѣ силы, которыя она накопила, служатъ одному: предписать людямъ миръ нѣмецкій, миръ божественный. Такъ какъ Германія олицетворяетъ миръ, то тотъ, кто ей противится,—желаетъ войны. Итакъ вполнѣ законно, что Германія вооружается возможно сильнѣе, такъ какъ она воплощаетъ миръ. Но противникъ Германіи, не имѣя этого права и возставая противъ нея, возстаетъ противъ мира. Германія должна довести свои вооруженія до максимума. Другіе народы имѣютъ право вооружаться настолько, насколько это имъ разрѣшитъ Германія.

Германія не ищетъ войны; напротивъ она употребляетъ всѣ силы, чтобы, терроризируя всѣхъ, сдѣлать ее невозможной;

но если какая-нибудь нація воспользуется или вздумаетъ воспользоваться этой ея любовью къ миру для того, чтобы заставить уважать право, которое Германіи не по вкусу, то она рѣшается строго ее наказать. Она очень опечалена и этой наглостью и той строгостью, которую она должна примѣнить къ виновному, но, какъ воинъ Бога, она не можетъ не исполнить своего назначенія. Народъ, который не желаетъ исполнить волю Германіи, свидѣтельствуетъ тѣмъ самымъ свою низшую степень «культурности» и становится виновнымъ: онъ долженъ быть наказанъ.

Методъ, слѣдуя которому Германія будетъ вести войну, опредѣляется этими данными. Война есть возвращеніе къ естественному состоянію. Германія рѣшается на этотъ временный регрессъ, такъ какъ она имѣетъ дѣла съ людьми низшей культуры, которымъ надо дать урокъ и говорить съ которыми надо на томъ языкѣ, который они понимаютъ. То, что характеризуетъ естественное состояніе,—это безраздѣльное царство одной силы. Въ этомъ именно и заключается высшая красота это-

го состоянія, его величіе и плодотворность. Пусть не говорятъ намъ объ этомъ романическомъ рыцарствѣ, которое имѣло претензію умѣрить звѣрскіе инстинкты и жестокости войны, вводя въ нее женскую чувствительность. Война есть война: «Krieg ist Krieg». Это не дѣтская забава, не спортъ, гдѣ надо такъ распредѣлять и гуманность и варварство, чтобы ихъ примирить и согласовать. Война—это варварство само по себѣ, освобожденное въ самой широкой степени отъ всѣхъ ограниченій, и на самомъ законномъ основаніи. Въ этомъ нѣтъ какого-либо извращенія. Человѣкъ, какъ человѣкъ, даже страдаетъ изъ-за того, что онъ долженъ статъ варваромъ, но человѣкъ, заступающій мѣсто Бога, отбрасываетъ слабость и отвращеніе, свойственныя ему, какъ твари. Онъ подчиняется таинственному и верховному закону, въ силу котораго зло тѣмъ болѣе благодѣтельно, чѣмъ оно рѣшительнѣе и полнѣе. Pecca fortiter!

Первымъ пунктомъ законовъ войны является упраздненіе всего, что называется чувствительностью, жалостью и гуманностью.

Цѣль войны—убивать и разрушать. Чѣмъ больше она разрушаетъ и убиваетъ, тѣмъ болѣе она приближается къ своей идеальной формѣ. Въ сущности, она тѣмъ болѣе гуманна, чѣмъ она негуманнѣе, такъ какъ ужасъ, который она внушаетъ своими эксцессами, дѣлаетъ ее менѣе продолжительной и слѣдовательно менѣе смертоносной.

Во-вторыхъ, война совершенно игнорируетъ нравственные законы. Уваженіе къ законамъ, договорамъ и конвенціямъ, довѣріе, чувство чести, добросовѣстность, благородство души, великодушіе—все это помѣхи: народъ-богъ ихъ не допускаетъ. Онъ, не колеблясь, нарушитъ право нейтралитета, если это ему выгодно; онъ будетъ пользоваться вѣроломствомъ, ложью и предательствомъ.

Онъ вправѣ подъ самымъ пустымъ или даже выдуманнымъ предлогомъ совершать самыя ужасныя дѣянія: бомбардировку незащищенныхъ городовъ, избіеніе стариковъ, женщинъ и невинныхъ дѣтей, варварскія казни, грабежи и рѣзню, животное отношеніе къ женщинамъ, научно организованные

поджоги, систематическое разрушеніе памятниковъ древности, хотя бы историческая роль и восхищеніе всего міра дѣлали, казалось, ихъ неприкосновенными. «Мнѣ сказали, и я долженъ отомстить», этого объясненія достаточно. Намъ сказали, что какой-то житель этого города или какого-то другого былъ непочтителенъ и непредупредителенъ къ кому-то изъ нашихъ: слѣдовательно мы должны сжечь этотъ городъ и разстрѣлять его жителей. Слѣдуетъ какъ можно больше разнуздать основные инстинкты природы, пустить въ ходъ максимумъ силы и добиться максимума успѣха.

Это воздѣйствіе, впрочемъ, должно быть столько же психологическимъ, сколько и матеріальнымъ. Дѣянія, которыя люди считаютъ возмутительными и которыя сѣютъ ужасъ, являются средствами рекомендуемыми, такъ какъ они надламываютъ душу, хотя бы они были безполезны съ военной точки зрѣнія.

Въ концѣ концовъ то, что возмущаетъ обыденную мораль, въ сущности соотвѣтствуетъ трансцедентной морали. Германцы на войнѣ имѣютъ задачей покарать. Они осу-

ществляютъ отомщеніе Божіе. Они заставляютъ своихъ враговъ искупать преступленіе оказаннаго имъ сопротивленія. Если они заняли городъ и враги имѣли дерзость его снова взять, то справедливо. что при первой возможности, они разрушаютъ городъ, убиваютъ жителей и сжигаютъ самые чудные памятники.

Ясно, что задавшись цѣлью снять оковы со всѣхъ темныхъ силъ, народъ, обладающій высшей культурой, лучше всякаго другого будетъ въ состояніи разрѣшить эту проблему. Дѣйствительно, наука, въ которой онъ преуспѣваетъ, даетъ ему средства приложить къ дѣлу разрушенія и зла всѣ тѣ силы, которыя природа употребляетъ только для созиданія, свѣта, тепла, жизни и красоты. Итакъ народъ Божій соединяетъ максимумъ научнаго развитія съ максимальнымъ варварствомъ. Формула его дѣятельности можетъ быть выражена такимъ образомъ: варварство, умноженное наукой.

Таково послѣднее слово знаменитой доктрины, обозначаемой именемъ германизма. Такимъ образомъ, между необходимымъ выводомъ этой доктрины и чертами, проявляющимися въ настоящей войнѣ, существуетъ

очевидное тожество. Итакъ заданная намъ проблема въ настоящее время разрѣшена. Если, вопреки всякому вѣроятію, варварство у Германіи совмѣстимо съ культурой, если она даже, какъ показываетъ настоящая война, какъ бы сливается съ самой этой культурой, это значитъ, что германская культура глубоко разнится отъ того, что человѣчество понимаетъ подъ культурой и цивилизаціей.

Человѣческая цивилизація старается гуманизировать самую войну. Нѣмецкая культура стремится увеличить до безконечности, при помощи ея науки, первобытное звѣрство. Все, что принадлежитъ Германіи, должно быть единственнымъ: женщины, Богъ, вино и вѣрность. Война, которую ведетъ съ нами Германія, поражаетъ міръ ужасомъ и возмущеніемъ, потому что она ведется по «германскому способу» во всемъ значеніи слова (die deutsche Art), потому что она—германская война.

Устанавливая эти изумительные факты, міръ съ тревогой въ то же время спрашиваетъ себя, каковы же могутъ быть впослѣдствіи его отношенія къ Германіи. Научно и систематически Германія противопоставляетъ нашей цивилизаціи эллинской,

христіанской и гуманной—разрушительную ярость гунновъ. Правда, что послѣ войны, она признаетъ, что, поступая такимъ образомъ, она не сдѣлала ничего иного какъ подчинилась не безъ горести условіямъ войны идеальной и божественной и что она даже готова будетъ простить своимъ врагамъ тѣ суровыя мѣры, которыя она, въ силу своего назначенія, должна была къ нимъ примѣнить. Но міръ рѣшительно откажется восхищаться этимъ страшнымъ великодушіемъ, которое, при малѣйшей попыткѣ къ сопротивленію, превращается въ звѣрство. Всѣ покровы въ настоящее время сорваны. Германская культура дѣйствительно ничто иное, какъ ученое варварство. Міръ, который думаетъ отнынѣ сбросить всякій деспотизмъ, не можетъ примириться съ деспотизмомъ варварства.

Какое разочарованіе, однако, и какая жалость. Ибо фактъ тотъ, что еще недавно Германія считалась великой націей. Ее прославляли во многихъ странахъ прочной и высокой культуры. Легко установить, что германскія традиціи заключали въ себѣ доктрины другого свойства, чѣмъ тѣ, которыя развились, какъ мы видѣли, подъ

вліяніемъ Пруссіи. Между тѣмъ какъ германизмъ, въ томъ видѣ, какъ его представляли пруссаки, состоитъ главнымъ образомъ въ презрѣніи къ другимъ націямъ и въ стремленіи ихъ подчинять, Лейбницъ, напримѣръ, столько же уважаемый латинскимъ міромъ, какъ и германскимъ, исповѣдывалъ философію, которая не признавала единства, какъ только въ формѣ гармоніи свободныхъ и независимыхъ силъ. Лейбницъ восхвалялъ множественность, разнообразіе, самодѣятельность. Между соперничающими силами онъ старался установить отношенія, которыя бы примиряли ихъ, не измѣняя и не умаляя цѣнности и независимости которой-нибудь изъ нихъ. Такова его попытка соединить церковь католическую и протестантскую. Послѣ Лейбница явился Кантъ, который, хотя былъ типичнымъ нѣмцемъ, по природѣ, тѣмъ не менѣе признавалъ, что научился у Руссо уважать выше ученаго, который не имѣетъ другой заслуги, кромѣ своихъ мнѣній, человѣка обыкновеннаго, который, не будучи ученымъ, обладаетъ нравственнымъ достоинствомъ. И ставя принципомъ, что каждый человѣкъ достоинъ уваженія постольку, по

сколько онъ способенъ къ нравственному развитію, онъ призывалъ людей къ созданію не универсальной и деспотической монархіи, а республики народовъ, гдѣ каждый могъ бы проявить свою свободную и независимую индивидуальность.

Эта наклонность ставить свободу выше единства и слѣдовательно уважать и почитать достоинство другихъ націй, служа своей, не угасла въ Германіи вмѣстѣ съ Лейбницемъ и Кантомъ.

Позвольте, господинъ редакторъ, подѣлиться съ вами нѣкоторыми личными воспоминаніями по этому вопросу.

Въ январѣ 1869 г. я былъ посланъ въ Гейдельбергъ министромъ народнаго просвѣщенія Victor Duruy, чтобы, занимаясь тамъ, изучить организацію германскихъ университетовъ. Германія была для меня страной метафизики, музыки и поэзіи. Велико было мое удивленіе, когда я убѣдился, что внѣ курсовъ не было другого вопроса, кромѣ войны, которую Пруссія собиралась объявить Франціи. Приглашенный на вечеръ я услышалъ сзади себя шопотъ: «Быть можетъ это французскій шпіонъ!» Таковы были слова, которыя я услышалъ. Въ портерной одинъ студентъ подсѣлъ ко

мнѣ. «Мы будемъ съ вами воевать, мы отнимемъ у васъ Эльзасъ и Лотарингію», сказалъ онъ мнѣ. Ночью я видѣлъ изъ моего окна, выходящаго на Nekkar, группу студентовъ въ ихъ корпоративныхъ костюмахъ, спускающихся на иллюминованномъ плотѣ внизъ по рѣкѣ и распѣвающихъ знаменитую пѣсню въ честь Блюхера, который научилъ французовъ нѣмецкимъ манерамъ. И даже въ самомъ университетѣ курсы Трейчке, на которые стекалась возбужденная толпа, были ничѣмъ инымъ, какъ пламеннымъ воззваніемъ противъ французовъ и призывомъ къ ненависти и войнѣ. Видя, что дѣло идетъ о подготовкѣ къ войнѣ, я вернулся во Францію къ пасхальнымъ каникуламъ 1869 г., убѣжденный, что враждебныя дѣйствія неминуемо скоро начнутся. Вскорѣ послѣ этого я вернулся въ Гейдельбергъ и познакомился съ другими лицами и съ другимъ кругомъ идей. Я понялъ тогда, что мнѣніе Германіи раздѣляется между двумя противными доктринами. Общія надежды имѣли въ виду объединеніе Германіи, но не было полнаго согласія относительно способа осуществленія этого единства.

Тезисомъ Трейчке было: Freiheit durch

Einheit— свобода черезъ единство, это значитъ сначала единство, единство прежде всего: свобода затѣмъ, позднѣе, когда обстоятельства позволятъ объ ней думать; а чтобы осуществить сразу это объединеніе, которое, въ сущности, одно только и имѣло значеніе, необходимо вооруженіе Германіи подъ командой Пруссіи въ цѣляхъ войны съ Франціей.

Формулѣ Трейчке противополагалась формула Блюнчли: Einheit durch Freiheit— объединеніе черезъ свободу. Эта доктрина, которая имѣла на своей сторонѣ значительныхъ представителей, стремилась прежде всего сохранить независимость и равенство германскихъ государствъ, чтобы затѣмъ на этой базѣ установить объединеніе между ними федеративнаго характера. И провозглашая внутри Германіи объединеніе безъ гегемоніи, она признавала, что оно должно совершиться, не причиняя ущерба другимъ націямъ, въ частности не угрожая Франціи. Это должна быть болѣе свободная Германія въ свободномъ мірѣ.

Германія въ эту эпоху стояла на распутьи. Послѣдуетъ-ли она своимъ собственнымъ наклонностямъ еще живымъ во многихъ благородныхъ умахъ, или она отдастся

теченію, чтобы, склонивъ голову, идти путемъ, какой ей указываетъ Пруссія—въ этомъ былъ вопросъ. Сторонники войны, объединенія какъ средства для нападенія и разгрома Франціи, прусская партія, ее увлекла, а успѣхъ далъ ей окончательное преобладаніе. Съ тѣхъ поръ умы, которые хотѣли остаться вѣрными идеалу свободы и гуманности, были фактически лишены всякаго вліянія.

Возможно ли, чтобы Германія когда нибудь вернулась на распутье, на которомъ она стояла еще до 1870 г., и на этотъ разъ пошла по другому пути, указанному Лейбницемъ, Кантомъ и Блюнчли, по тому пути, который сначала стремился къ свободѣ личности и народовъ, а затѣмъ и только затѣмъ ведетъ къ согласію и гармоніи, гдѣ уважаются на равныхъ основаніяхъ права всѣхъ?

Мнѣ приходятъ на память слова шотландскаго профессора:

«Все лучшее въ мірѣ должно умирать и возрождаться». Германія, которую уважалъ и превозносилъ весь свѣтъ, Германія Лейбница, повидимому, совершенно умерла. Возродится ли она?

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Маг. 36
4 р.

Цѣна 25 коп.